

В девять вечера горничная Саша принесла самовар и поставила во главе длинного стола. Хозяйка гостиницы Мария Николаевна стала разливать чай. В углу комнаты ее муж с дочерью, зятем и доктором играли в винт. А недавно закончивший очередной урок русского языка чиновник Джеймсон читал свежий выпуск «Русского слова»¹.

— Нашли что-нибудь интересное, Франц Францевич? — обратилась к нему Мария Николаевна, вручая стакан чая.

— Нашел, — ответил англичанин и перевел взгляд на потолок.

Он явно пребывал в мечтательном состоянии, как правило, свойственном лишь фанатикам и фантазерам. У меня не было оснований считать Джеймсона — ходячий здравый смысл во плоти — ни тем ни другим.

— По крайней мере, эта заметка меня заинтересовала. Странная, просто престранная, — добавил он.

— Что там? — спросила Мария Николаевна.

— Чтобы объяснить, в чем дело, мне придется поведать вам долгую историю, которой вы все равно не поверите хотя бы потому, что она престранная.

— Расскажите, — попросил я.

— Вы же не поверите ни единому слову, так что нет смысла ничего рассказывать.

Но мы настояли на своем. Джеймсон закурил сигару и начал рассказ:

— Два года назад я был в Гейдельбергском университете² и там подружился с молодым человеком по фамилии Браун. Его родители были немцы, но он прожил лет пять-шесть в Америке и по духу был почти американцем. Мы познакомились случайно, на лекции, и он мне не раз помогал. Браун был студентом, учился на инженера. Летом, когда семестр подошел к концу, мы решили остаться в Гейдельберге. В один прекрасный день Браун предложил отправиться в пеший поход по Германии, и я с радостью согласился.

¹ «Русское слово» — ежедневная газета, выходившая в Российской империи в 1895–1918 годах.

² Старейший университет в Германии.

Стояла чудесная погода, все было просто захватывающе. Вечером третьего дня мы добрались до деревни Салжейм. Это было живописное местечко со старинной церковью и могилами времен Тридцатилетней войны. Но постоянный двор, где мы собрались заночевать, оказался еще примечательней церкви. Когда-то там стоял женский монастырь, но большая его часть сгорела, остались только здание с причудливой остроконечной крышей и увитая плющом башня — вероятно, бывшая колокольня.

После превосходного ужина мы решили лечь спать пораньше и остались довольны: нам предоставили две чистые проветренные спальни. Моя вела прямоком в спальню Брауна, а через нее можно было пройти только в мою. Стояла жаркая июльская ночь; Браун попросил меня оставить дверь открытой. Так я и сделал. Заодно распахнули оба окна. Мой спутник ушел к себе и почти моментально заснул; вскоре послышался храп.

Мне казалось, что я тоже очень хочу спать, но стоило улечься в постель — и сон как рукой сняло. Что было странно: мы прошагали немало миль, погода выдалась удушающе-жаркой, а в прошлые ночи я сразу валился с ног как убитый. Я зажег свечку и стал читать карманный томик Гейне. Из моего окна была прекрасно видна башня-колокольня; когда часы на ней били (а это происходило каждые пятнадцать минут), громкий звук разносился эхом по комнате. Часы на башне проббили десять, затем одиннадцать. Мои наручные часы лежали на стуле у изголовья. Когда пробило одиннадцать, я заметил, что они отстают на пять минут, и перевел стрелку. Сон по-прежнему не приходил. Тогда я сказал сам себе: «Почитаю до двенадцати — и хватит».

За пятнадцать минут до полуночи я впервые не сдержал зевков и обрадовался, что сон наконец-то приходит. Я бросил читать, взял в ладонь наручные часы и стал ждать полуночи. Эта четверть часа, казалось, растянулась на целую вечность. Наконец стрелки показали, что осталась всего минута. Я потушил свечу и начал мысленный отсчет. Один, два... сто шестьдесят... полночь так и не проббили. Четыреста... Должно быть, я совершил ошибку при подсчете? Снова зажег свечу и глянул на часы. 00.02. Но звона с башни по-прежнему не было!

На меня нахлынуло странно-неприятное ощущение. Я сел в кровати, по-прежнему сжимая в ладони часы, и хотел было кликнуть мирно храпящего Брауна, но предпочел не будить. Я пришел к выводу, что, должно быть, полночь проббили, но я

умудрился пропустить этот момент — хоть и твердо знал, что не засыпал ни на минуту.

Затем потушил свечу и, похоже, моментально уснул.

...Я рывком сел в кровати. Кажется, кто-то захлопнул дверь, соединяющую наши спальни. Я потянулся за спичечным коробком и обнаружил, что тот пуст. Какой-то подсознательный страх не давал мне взглянуть на дверь. Но я пересилил себя и посмотрел. Она была закрыта, но сквозь трещины и замочную скважину пробивались лучики света. Я негромко позвал соседа — ответа нет. Позвал еще раз, погромче — снова тишина.

Тогда я встал и приблизился к двери. Она сама плавно приоткрылась — достаточно, чтобы стала видна узкая полоска света. В тот же миг я почувствовал чей-то пристальный взгляд. Вдруг дверь снова захлопнулась — столь же плавно, как и открылась, совершенно беззвучно. Я на цыпочках подошел к ней: казалось, пересечь комнату заняло целую вечность. А потом почувствовал, что не в состоянии ее открыть. Меня просто парализовал страх. Тем не менее я по-прежнему видел пробивающийся свет.

Пока я стоял перед дверью, скованный ужасом, из комнаты Брауна вдруг послышались звуки: скрип половиц, голоса, переговаривающиеся на каком-то неизвестном языке — не итальянском, не испанском и не французском. Они становились все громче. Послышался шум борьбы и вопль, закончившийся приглушенным стоном, полным боли и ужаса.

То ли я вдруг набрался решительности, то ли страх ослабил хватку, но я стремглав бросился к двери и дернул за ручку. Кто-то или что-то со всей силы навалился на нее с другой стороны. Я завopil во весь голос, и в тот же миг послышался крик петуха.

Дверь распахнулась, я ввалился в комнату Брауна. Было еще темно. От моих воплей он проснулся, зажег свечку и спокойно спросил, что, черт возьми, произошло. Его спальня была совершенно пуста, все стояло на своих местах. Небо заволокло рассветной дымкой.

Я сказал, что мне приснился кошмар и поинтересовался, не привиделось ли ему такое же. Тот ответил, что в жизни не спал крепче.

На следующее утро мы отправились дальше, а по возвращении в Гейдельберг Браун уплыл в Америку. Мы никогда больше не виделись, хотя регулярно переписывались. На прошлой неделе я получил от него письмо из России, где говорилось, что до конца месяца он будет жить в Москве.

Вы, наверное, гадаете, какое ко всему этому отношение может иметь газета. Что ж — слушайте.

И он прочел нам отрывок из «Русского слова»:

— Самара, февраль, 9-е. В центре города, прямо в гостинице банда вооруженных грабителей напала на немецкого инженера Брауна и потребовала денег. После его отказа один из бандитов ударил его ножом. Преступники забрали все

его наличные средства, предположительно до 500 рублей, и скрылись. Браун звал на помощь, но скончался от ранений той же ночью. Похоже, он познакомился с грабителями в ресторане.

— До путешествия в Россию, — добавил Джеймсон, — я часто задавался вопросом, на каком же языке говорили за закрытой дверью в Салжейме той ночью. Теперь я точно знаю, что это был русский.

АТАМАН КУДЕЯР

ТЕПЕРЬ ЭДАК ПОЛЯ ДАСЕРА А ВОСАА — ТО СКАЗЫВАЛИ СТАРЫЕ ЛЮДИ, БЫЛИ НЕПРОУДИМЫЕ ЛЕСА, А В ЛЕСАХ ТЫА ЖИЛ ЗНАМЕНИТЫЙ АТАМАН КУДЕЯР БАРЫ ПУШЕ ОПЯ ВОХИЛСЯ КУДЕЯРА КОГДА ОБИВАЛИ ЛЕСОМ, ТО ПРЕДЕЛАЛСЯ В КРЕСТЬЯНСКУЮ ОДЕЖДУ, НО КУДЕЯНА ТРУДНО БЫЛО ПРОВЕСТИ ОН ПО РУКАМ УЗНАВАЛ, ПОСМОТРИТ НА РУКИ А У БАБИНА РУКИ ГАДКИЕ ДА БЕЛЫЕ

— А НУ — СКАЖЕТ, — СЛАВА! ХОЧУ ТЫ И В ДУШОЙ КОЖЕ А СЕДЕШЬ ТЕПЕРЬ ТО ДА, СКОЛЬКО РАЗ ХОТЕЛЮ ПРИИДТИ КУДЕЯРА, ДА ГДЕ ТЫ И ВИДИТЛА В РУЧЕ КАК — ТО ЕДИТ ЦИРСКАЯ СТРАЖА КУДЕЯРА ЛОВИТЬ, А НАПРОТУУ НИИ ПОЖВНОК

ЕЯ СЛУША — ПОТОИТ — А НЕЗНАША ЛИ ДЕ ТУТ КУДЕЯР? — КАК НЕЗНАТЬ — ОВЕМАТ ТОТ — САМ ВИДЕЛ КАК ОН ПО СОСНЕ ВОСХАЛСЯ ДО НЕБА ЛЮБА ВОСРАЛСЯ А ДОБРА — ЕЯ ИЛИ НЕТ — ПРОТОБЕЖНО ЗАРАДИТЕ ГОЛЫИ СПОТЕЖА А ПОЖВНОК СЛЕТЕТСЯ — ДУРАК КАК НЕМОУ, ЧТО В НЕГО ОУМУТ ТО И НЕСЕУ СКАЗАЛ ТАК — ТО И ПРОПАЛ А ЭТО БЫЛ САМ КУДЕЯР

БОЛКЕВ, ЗОРОНКОЖИ ОБЛАСТИ ЛЕДОСТ. БАТОНКОС ЗОРОНЕЖ 1939Г.
ГЛАВОРА ХУДОЖНИКА НОККИЛА А.М. ЗОРОНЕЖ 1939Г.